

на фронте, которые никак не оцениваются русскими офицерами; вместо бездушной констатации условий жизни военнопленных – нотки сочувствия к единоверцам, попавшим в сложную ситуацию, когда правительство их практически бросило на произвол судьбы; появляются слова поддержки. Весьма часто применялся прием сравнения с условиями жизни военнопленных французов и англичан.

Таким образом, в вопросе восприятия татарами военнопленных четко прослеживается взаимосвязь с восприятием ими самой войны и взаимоотношений с центральными властями. До лета 1915 г. позиция татарских средств массовой информации была выжидательной, умеренной. Характеризуя военнопленных, они избегали применения ярких или негативных образов, заменяя их терминами бытийного свойства, не способных оскорбить, либо которые можно использовать как в создании положительного, так и отрицательного образа. С лета 1915 г. в прессе достаточно часто использовался сюжет, связанный с военнопленными, как маркер неспособности властей проводить обдуманную политику. Военнопленные стран Тройственного союза в Казанской губернии, как правило, характеризовались с положительной стороны.

Литература

1. Алкин С. Стыд и позор // Казанский телеграф. 1915. 29 марта.
2. Исхаки Г. Татарская военная организация во время войны // Wostok – Orient. Варшава, 1932. №1–2 (5–6).
3. Кояш. 1915. 7 января.
4. Кояш. 1915. 18 октября.
5. Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ). Ф.1154. Оп.1. Д.259.
6. НА РТ. Ф.1 Оп.6. Д.862.
7. НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д. 913.
8. НА РТ. Ф.1. Оп. 6. Д. 917.
9. НА РТ. Ф.1. Оп. 6. Д. 942.
10. НА РТ. Ф.1. Оп. 6. Д. 943.
11. НА РТ. Ф.1 Оп.6. Д.1073.
12. НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.1106.
13. Юлдуз. 1914. 22 августа.
14. Юлдыз. 1914. 27 октября.

УДК 94(47)084

Акопян Виктор Завенович

ФОРМИРОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ СТРУКТУР В ОРГАНАХ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1920–30-е гг.

В статье рассматривается политика центральных и региональных властей в области развития народного образования на родных языках дисперсных этносов Северного Кавказа. По мнению автора, позитивный опыт 1920–30-х годов в известной степени может быть использован на современном этапе.

Ключевые слова: Северный Кавказ, народное образование, дисперсные этносы, национальные меньшинства, национальные секции, национальные школы.

Akopyan Victor Z.

FORMATION AND ACTIVITY OF THE NATIONAL STRUCTURES IN THE ORGANS OF PUBLIC EDUCATION IN THE NORTH CAUCASUS IN 1920-1930s

The article considers the policy of Central and regional authorities in the field of development of public education in the native languages of dispersed ethnic groups of the Northern Caucasus. According to the author, the positive experience of the 1920s-1930s to a certain extent can be used at the present stage positive experience of the 20-ies, in view of the new political model established in the country, can be used on the modern stage.

Keywords: North Caucasus, popular education, dispersed ethnic groups, national minorities, national section, national schools.

Важность рассмотрения деятельности структур Народного комиссариата просвещения РСФСР (Наркомпроса) по делам национальных меньшинств на Северном Кавказе в 1920–30-е годы обусловлена слабой освещенностью этой проблемы в исторической науке (Т. Ю. Красовицкая, С. И. Штамм, Р. Г. Абдулатипов, Л. Ф. Болтенкова, Ю. Ф. Яров, В. З. Акопян). Актуальность темы также связана с современным состоянием межнациональных отношений в Российской Федерации,

в частности, в южнороссийском регионе, и необходимостью учета исторического опыта функционирования государственных структур, занимавшихся национальными проблемами. В связи с поиском новых организационно-правовых форм осуществления национальной политики в РФ на современном этапе рассматриваемая тема вновь приобрела особую значимость.

Сразу же после установления советской власти для работы среди национальных меньшинств (этнических групп, проживавших, как правило, дисперсно за пределами своих национально-государственных образований, автономий или не имевших их) при партийных и советских органах создавались специальные структуры: национальные партийные секции и подотделы, нацменкомиссии, институт уполномоченных по делам нацмен и др. В этой иерархии органов по делам национальных меньшинств высшую строчку занимали партийные органы, решения которых носили определяющий характер и подлежали исполнению всеми советскими органами государственной власти и управления. Тем не менее, это не значило, что государственные органы, в частности, структуры по делам национальных меньшинств при органах Наркомпроса, играли незначительную практическую роль в той или иной сфере национальной политики.

После установления советской власти при партийных и советских органах создавались национальные структуры для работы среди национальных меньшинств (этнических групп, проживавших за пределами своих национально-государственных образований или не имевших их). С конца 1917 г. вся просветительная работа среди нерусских народов была сосредоточена в Народном комиссариате национальностей (Наркомнаце). Однако 30 мая 1918 г. был принят декрет СНК РСФСР «О передаче в ведение Наркомпроса учебных и общеобразовательных учреждений и заведений всех ведомств» [1, с. 184].

31 октября 1918 г. Коллегия Наркомпроса приняла постановление «О школах национальных меньшинств», в соответствии с которым создавался «Отдел просвещения национальных меньшинств Наркомпроса РСФСР». На отдел (руководитель П. Н. Макинцян) возлагались функции формирования всех национальных культурно-просветительных организаций и учреждений в РСФСР, руководства и управления ими [2, с. 85].

В соответствии с инструкцией Наркомнаца и Наркомпроса «Об организации и деятельности подотделов национальных меньшинств на местах» (февраль 1919 г.), «при всех отделах народного образования [ОНО]: областных, губернских и уездных Советов, – в тех местах, где существуют национальные меньшинства, организуются подотделы просвещения нацменьшинств». Национальные подотделы при ОНО имели право создавать просветительные и учебные заведения для дисперсных этносов, включать их в государственную сеть, подбирать для них руководителей и других работников [1, с. 244].

На Юге России первыми были организованы национальные секции и подотделы ОНО не только для многочисленных национальных групп, проживавших на данной территории, но и для тех из них, которые имели в прошлом развитую культурную жизнь и подготовленных работников.

На Дону были созданы и активно работали армянская, еврейская, польская и латышская секции, на Кубани – украинская, армянская, горская и греческая. Так, например, сразу же после установления советской власти на Кубани подотдел просвещения нацменьшинств (Нацмен) Кубано-Черноморского облОНО в качестве главных определил задачи борьбы с неграмотностью и создание сети школ с обучением на родном языке.

В апреле 1920 г. вышло постановление Кубано-Черноморского облревкома о создании школ нацменьшинств, подписанное его председателем Я. В. Полуяном. В соответствии с ним, граждане всех национальностей, проживавшие в области, получили право организации обучения родному языку в единой трудовой школе. Все расходы на их содержание брали на себя подотделы просвещения нацменьшинств, в ведении которых к июню 1920 г. находились 313 школ. Школы открывались там, где было не менее 25 учащихся одной национальности. Вот почему члены секций в первую очередь приступили к сбору статистических данных о численности народов, населяющих регион. Согласно отчету, в 1921 г. облОНО подчинялась 291 национальная школа. В последующем их сеть продолжала расширяться. Во все населенные пункты Кубани регулярно посылали инспекторов подотдела, которые следили за уровнем подготовки учителей, материальным обеспечением учебных заведений [3].

Особую активность проявлял подотдел нацменьшинств Ставропольского губОНО. Он начал свою работу с дисперсными этносами губернии в сентябре 1920 г. В его состав входили

председатель, делопроизводитель, инструкторы по просвещению немцев, туркмен и татар. В 1921 г. подотдел приступил к обслуживанию и других этнических групп губернии (армян и греков) [4].

После создания секций нацменьшинств при новых управлениях Наркомпроса (Главпрофобр, Главполитпросвет и др.) работа Отдела просвещения нацменьшинств усложнилась. В связи с этим 31 марта 1921 г. Отдел был реорганизован в Совет по делам просвещения нацменьшинств (Совнацмен) при Коллегии Наркомпроса [3, с. 86–87]. В соответствии с «Положением о Совнацмене», его основная задача сводилась к тому, чтобы проводить через свои органы в центре и на местах мероприятия наркомата, «приспосабливая их к языковым и бытовым особенностям национальностей». Совнацмен возглавляла коллегия, состоявшая из председателя (В. Розен), его заместителя и трех членов. 13 июня 1921 г. вышло «Положение о губернских советах по просвещению национальностей нерусского языка», согласно которому нацменотделы при коллегиях губОНО реорганизовывались в совнацмены [1, с. 247–249].

Финансовый кризис и голод отрицательно повлияли на деятельность совнацменов. Улучшение экономической ситуации в стране позволило восстановить их деятельность. I Всероссийский съезд губсовнацменов (январь 1923 г.) принял «Положение о губернских советах просвещения нерусского языка», предусматривавшее введение должности уполномоченного по просвещению нацменьшинств. Последний входил в состав коллегии губОНО с правом решающего голоса по вопросам национального просвещения [5].

Важную роль в активизации деятельности совнацменов на Юге России сыграл I Северо-Кавказский краевой съезд по просвещению нацменьшинств (ноябрь 1924 г.). Его работа совпала с завершением территориальной реформы в результате которой был образован Северо-Кавказский край. Съезд открылся 11 ноября 1924 г. в актовом зале Донского университета докладом начальника КрайОНО Томашевского. Выступавшие участники съезда отмечали недооценку местными ОНО совнацменов. Подчеркивалось, что «нет строго зафиксированного процента в бюджете для нацмен, совнацмены не привлекаются к обсуждению бюджета ОНО... а районы, имеющие до 75% нацмен, не имеют инспекторов своей национальности» [6].

В конце 1924 г. КрайОНО приступил к разработке Положения о Крайсовнацмене. До его принятия краевое совещание инспекторов нацменьшинств (март 1925 г.) определило общий подход к совнацмену как подотделу, куда входят национальные инспектора и представители от партийных и советских организаций. Инспектора, заведующие соответствующим национальным бюро, участвуют во всех заседаниях и в методсовете КрайОНО. На основе такого подхода и было выработано Положение. Коллегия КрайОНО утвердила его 14 марта 1925 г. Согласно Положению, при краевом совнацмене создавалось узкое бюро, куда входили заведующие соответствующих нацбюро. 16 марта было утверждено бюро совнацмена в составе Арутюнова (зав. армянским бюро), Кирий (украинским), Саввова (греческим), Штейнгаузера (немецким). Работники совнацмена прикреплялись в качестве представителей к другим советским и общественным органам. Например, в 1925 г. представителем совнацмена в Крайкоме был Алиев, в Крайсовпрофе – Арутюнов и т. д. [7].

Упорядочение деятельности Крайсовнацмена, несмотря на то, что их штаты оставались небольшими, обусловило возрастание роли совнацменов на местах. Во второй половине 1925 г. практически во всех округах в штате ОНО имелась национальная инспектура. Причем инспекторами были, как правило, представители наиболее многочисленных национальностей данной территории. Например, инспектором по делам нацменьшинств в Таганрогском окрОНО был немец, в Кубанском – украинец и армянин [8].

С октября 1925 г. Совнацмен Наркомпроса получил новое название – Центральный совет по просвещению нацменьшинств (Центрсовнацмен). В соответствии с Положением о Центрсовнацмене он «осуществлял руководство делом просвещения нацменьшинств и приспособлял свои мероприятия к языковым, бытовым и культурным особенностям населения Республики национальностей» [9]. Центрсовнацмен до 1926 г. возглавлял И. А. Наговицин. После него за три года на этом посту сменилось 4 руководителя.

В июне 1926 г. проблемы совнацменов обсудило Всесоюзное совещание работников нацменьшинств. В принятых тезисах конкретизировались формы методической работы в национальных школах [10]. В декабре 1926 г. в Ростове-на-Дону собрался краевой съезд заведующих ОНО и инструкторов по работе среди нацменьшинств. По докладу заведующего Крайсовнацмена Достяна была принята резолюция, в которой уточнялся характер взаимоотношений совнацменов с

функциональными подразделениями КрайОНО и отделами образования на местах. Определялся круг обязанностей совнацменов и национальной инспектуры [11].

Летом 1928 г. Наркомпрос разработал проект, одобренный 1 февраля 1929 г. СНК РСФСР, в соответствии с которым Центросовнацмен преобразовывался в Комитет по просвещению нацменьшинств РСФСР. Его функция ограничивалась лишь «общим наблюдением за проведением мероприятий по просвещению нацменьшинств Главными Управлениями и местными ОНО» [12].

К концу 1920-х гг. усилилась тенденция к сокращению штатов Комнаца в регионах. В новых условиях осуществлялась политика социальной унификации подразумевавшая слияние дисперсных этносов с «титულными» нациями. Правящий режим теперь не нуждался в «лишних» звеньях управления. В январе 1930 г. вслед за ЦК ВКП(б) были ликвидированы национальные секции Северо-Кавказского крайкома [13]. Национальные партийные структуры для совнацменов являлись «охранителями» от тех чиновников, которые считали излишней работу с дисперсными этносами. Вот почему после ликвидации партийных секций комнацы Наркомпроса потеряли свою значимость. Завершающим аккордом в этом процессе стало решение о ликвидации Комнаца в 1934 г. и переходе его функций к общим отделам Наркомпроса.

В заключение отметим, что деятельность национальных структурных подразделений системы Наркомпроса на Юге России в 1920–30-е гг. была ориентирована не на обеспечение коренных интересов национальностей, а исключительно на потребности утвердившегося в стране политического режима. В то же время само их существование, представительство во властных структурах побуждало краевые и местные органы власти учитывать национальные запросы, в частности в области образования на родном языке, что вопреки желанию режима не могло не способствовать сохранению национального самосознания, пусть даже формируемого в общем русле определяемой компартией парадигмы.

Разумеется, в настоящее время не стоит вопрос о безусловном копировании деятельности национальных структурных подразделений системы народного образования рассматриваемого времени. Тогда была другая эпоха, другая социально-политическая и экономическая система, другие цели, и даже другое государство, по меньшей мере, по названию. Но эти обстоятельства не исключают возможности использования тех форм, которые способны обеспечить реализацию, например, «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [14], разработанной Советом при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям. Как отмечается в документе, государственная национальная политика страны нуждается в новых концептуальных подходах с учетом необходимости решения вновь возникающих проблем, реального состояния и перспектив развития национальных отношений. Это обуславливает обращение пристального внимания на позитивный опыт осуществления национальной политики в прошлом.

Литература

1. Красовицкая Т. Ю. Национальная политика в области просвещения народов РСФСР (1917–1922) // Великий Октябрь и национальный вопрос. Ереван, 1977.
2. Штамм С. И. Управление народным образованием в СССР (1917–1936 гг.). Историко-правовое исследование. М., 1985. С. 85.
3. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 365. Оп. 1. Д. 812. Л. 12.
4. Отчет Ставропольского губисполкома V созыва VI Губ. Съезду Советов Раб., Крест. и Красноарм. Деп. Ставропольской губернии. Ставрополь, 1922.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 60. Ед. хр. 993.
6. Советский Юг. 1924. 15 ноября.
7. Государственный архив Ростовской области. Ф. 1485. Оп. 1. Ед. хр. 164.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Ед. хр. 1042.
9. РГАСПИ. Ф. 1-М. Оп. 23. Д. 712.
10. Центральный государственный архив Чечни. Ф.Р. 264. Оп. 1.
11. Еженедельник Северо-Кавказского Краевого отдела народного образования. № 3–4. 1927.
12. Деннингхаус В. В тени «Большого брата». Западные национальные меньшинства в СССР. 1917–1938 гг. (РОССПЭН, 2011).
13. Малейко Л. А. Партийный аппарат (1917–1941). Изд. РГУ, 1981. С. 52–60.
14. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.minnation.senat.org/Strategiya-2025.html>.